

УДК 94(41/99)
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.03

А. С. Стыкалин

Чехословакия весны 1970 г. глазами советской писательской делегации

Стыкалин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Цитирование

Стыкалин А. С. Чехословакия весны 1970 г. глазами советской писательской делегации // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 430–447. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.03

Статья поступила в редакцию 01.06.2022.

Аннотация

Вторжение войск пяти стран – участниц Варшавского договора в Чехословакию 21 августа 1968 г. нанесло громадной силы удар по советско-чехословацким культурным связям. Лишь незначительная часть литераторов и деятелей культуры, приняв политику так называемой «нормализации», проявила готовность поддерживать и дальше официальные контакты с советской стороной. Делегация советских писателей, прибывшая в марте 1970 г., была официально принята только в Словакии. Власти не решались провести какие-либо официальные мероприятия в Праге, где бойкот творческой интеллигенцией всего, что исходило с советской стороны, был почти всеобщим. Кратковременный выезд двух советских писателей в Прагу для ознакомления с ситуацией в литературной жизни совершенно не афишировался. Вниманию читателей предлагается отчет советской делегации в Иностранную комиссию Союза писателей СССР по итогам ее пребывания в Чехословакии.

Ключевые слова

Пражская весна, интервенция в Чехословакию 21 августа 1968 г., режим нормализации в Чехословакии, советско-чехословацкие культурные связи.

21 августа 1968 г., после растянувшихся на несколько месяцев колебаний брежневского руководства СССР, совместная военная акция пяти стран – участниц Варшавского договора пресекла попытку чехословацких реформаторов сделать более привлекательным лицо реального социализма. Пражская весна 1968 г. явилась не просто конкретно-историческим феноменом, она приобрела глубокий метафорический смысл, символизируя запоздалое возникновение в коммунистическом движении 1960-х гг. некоего творческого начала, пытавшегося (как оказалось, тщетно) придать ему новый импульс на основе симбиоза социалистических ценностей с рациональной экономикой и механизмами современной развитой демократии. Подавление Пражской весны стало по грандиозности последствий одним из ключевых событий всемирной истории второй половины XX в., во многом предопределившим необратимость кризиса всего советского блока и мирового коммунистического движения и дискредитировавшим в глазах многих современников, до тех пор сохранявших приверженность социалистическим идеалам, позитивное содержание самой идеи социализма в марксистском понимании.

Вниманию читателей предлагается источник (документ Иностранной комиссии Союза писателей СССР из фондов РГАЛИ), отражающий восприятие советскими литераторами Чехословакии, вступившей после подавления Пражской весны в растянувшийся на целых два десятилетия период так называемой послеавгустовской «нормализации». Речь идет об отчете делегации Союза писателей СССР о посещении ею Братиславы, а затем (неформально) и Праги в марте 1970 г. – к этому времени в общественно-политической жизни страны уже явно наступил перелом в соотношении сил в пользу противников любых реформ, происходили массовые исключения из партии и увольнения с работы в системе образования, науки и культуры всех, кто хотя бы робко поддержал в 1968 г. Пражскую весну. Не сотни, а тысячи чешских интеллигентов либо покидали страну, либо превращались в дворников, чернорабочих и истопников, что привело к настоящему геноциду всего свежего, талантливого и нестандартного в духовной жизни нации. В Словакии установившийся политический режим был чуть более щадящим, но также начисто исключал любые проявления политического инакомыслия.

Когда готовилась поездка, немалое значение имел вопрос, кто возглавит советскую писательскую делегацию. Ильи Григорьевича Эренбурга, с его большим международным авторитетом, связями и огромным политическим опытом, человека, лучше других

умевшего разруливать конфликты в отношениях между писателями разных стран, возникавшие на почве политических разногласий, уже три года не было в живых¹. Возглавить делегацию поручили известному поэту Евгению Ароновичу Долматовскому (1915–1994). Сделав выбор в пользу этого умеренно-либерального (при всей однозначной политической лояльности) литератора, в свое время, в самый канун венгерских событий осени 1956 г., вызвавшего гнев Н. С. Хрущева прямой причастностью к шумной дискуссии вокруг скандального романа В. Дудинцева «Не хлебом единым»², руководство Союза писателей СССР, очевидно, рассчитывало, что ему после всего случившегося будет легче найти общий язык с чешскими и словацкими писателями, чем более жестким партийным ортодоксам из писательской среды. Не менее важно и то, что Долматовский имел непосредственный опыт пребывания в Венгрии в апреле 1957 г., через несколько месяцев после подавления восстания 1956 г., о чем оставил не только записки, предназначенные для публикации³, но и отчет с более глубоким анализом настроений творческой интеллигенции, персланный Иностранной комиссией Союза писателей в аппарат ЦК КПСС⁴.

Официальная часть визита советской делегации касалась лишь Словакии, выезд в Прагу двух ее членов (Е. Долматовского и В. Беляева) был неформальным, ибо обстановка в столице оставалась слишком накаленной для организации официальной поездки и нельзя было исключать каких-либо эксцессов. Приехав в Братиславу в период начавшегося ужесточения культурно-идеологической политики, когда в Праге уже велась подготовка программных документов об «уроках кризисного развития», заложивших идейные основы взятого курса послеавгустовской «нормализации», советская делегация стала свидетельницей запретительных мер в культурной жизни (кое-что из подожавших запрету фильмов ей все же удалось посмотреть).

1 Стыкалин А. С. Илья Эренбург и осень 1956 года. К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада // Стыкалин А. С. Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016. С. 359–402.

2 Долматовский Е. «Я из-за тебя ночь не спал...» // Родина. 1992. № 3. С. 18–21.

3 Долматовский Е. В Венгрии весной 1957 г. Из дневника. М., 1957.

4 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 26. Д. 1214.

В Словакии градус сопротивления интеллигенции режиму «нормализации» был ниже и советские делегации принимались более сдержанно, чем в Чехии. К весне 1970 г. властям уже удалось поставить под контроль руководство местного Союза писателей, которое проявило больше готовности к восстановлению культурных связей с СССР. При том, что в словацких землях к вторжению иностранных войск отнеслись ненамного лучше, чем в чешских⁵, публикуемый ниже отчет все же фиксирует и различия в настроениях, вполне объяснимые удовлетворенностью большинства словаков полученной после августа 1968 г. федерализацией чехословацкого государства, к которой они так долго стремились. Вместе с тем, кроме тех функционеров творческого союза, которые на это были уполномочены, словацкие писатели (как и чешские) уклонялись от непротокольных, неформальных встреч с гостями из СССР, резонно опасаясь обвинений в коллаборационизме со стороны своих соотечественников. В свою очередь и сами функционеры не прилагали усилий, чтобы такие встречи состоялись, а если все-таки и удавалось поговорить о положении дел в неформальной обстановке, словацкие собеседники не скрывали своего негативного отношения к интервенции, особенно сильно, по их мнению, травмировавшей именно молодое поколение.

Впрочем, сопротивление послеавгустовским веяниям не могло быть, конечно же, всеобщим. Вторжение 1968 г. стало моментом выбора и самоопределения для целой генерации чехов и словаков. Одни избрали путь протестов, другие больше думали о возможностях продолжения собственной карьеры. Не только среди словацких, но и среди чешских интеллигентов, деятелей культуры и науки были и крайние леваки-ортодоксы, и попросту конъюнктурщики, сделавшие со временем ставку на новый режим – кто из идейных соображений, а кто попросту из естественного стремления удержаться на плаву, не лишиться привычных источников доходов и даже занять в культурной жизни более видные позиции. Писатели, готовые сотрудничать с режимом, выступали инструментом политики «нормализации», все более жесткой. Е. Долматовский приехал в Прагу в момент, когда в политической повестке дня стояла, как узнаем из его отчета, задача

5 Поскольку в 1968 г. еще живо было поколение, пережившее Мюнхенский сговор 1938 г. и последовавшие за ним события, в Словакии в силу особенностей исторической памяти нации с особой враждебностью был встречен новый приход венгерских войск, выступивших союзником Советской Армии в осуществлении «интернационалистской акции».

подорвать материальную базу Союза писателей как одного из идейных центров сопротивления «политике нормализации». Фактически союз был ликвидирован, а в мае 1972 г. восстановлен во главе с новыми людьми, готовыми беспрекословно выполнять волю правящей партийной верхушки, при этом вне реформированного союза оказалось большинство видных чешских писателей⁶. Духовное потрясение, вызванное августовской интервенцией, не могло быть длительным, как и последующее состояние шока, объяснимое неудачами сопротивления⁷. Оно постепенно сменялось некоей «стабильностью нормализации», люди привыкали к новым реалиям, установившимся политическим практикам и к своим новым ролям. На смену эйфории приходила апатия, господствовавшая в обществе вплоть до возникновения Хартии-77, новой формы противостояния существующему режиму, способной сплотить оппозиционно настроенную чешскую интеллигенцию.

Бойкот всего советского в среде чешских литераторов (и – шире – деятелей культуры) был после августа 1968 г. гораздо более жестким, нежели среди словацких. Любые контакты с представителями Москвы сильно компрометировали всех, кто на это шел. Неприятие интервенционистского режима формировало писательскую солидарность, опиравшуюся на более широкое общественное мнение, осуждавшее августовское вторжение. Все это произвело на советских гостей впечатление некоей «круговой поруки». Причем и те писатели, которые вроде бы уже и были готовы пойти на компромисс и вписаться в литературную жизнь в ее официально разрешенных рамках, отталкивались культурной политикой и крайне левыми литераторами, составлявшими главную опору новой власти в творческой среде. Подобные явления Долматовский наблюдал и фиксировал и в Венгрии весны 1957 г. – правда, потом, к началу 1960-х гг., культурная политика кадаровского режима претерпела изменения в направлении большей либерализации, была заметно скорректирована на основе лозунга «кто не против нас – тот с нами». Гусаковская Чехословакия ничего подобного не знала фактически вплоть до последних месяцев режима «нормализации».

⁶ О ситуации в чешской литературной жизни того времени см.: *Шерлаимова С. А.* Литература «Пражской весны»: до и после. М., 2002.

⁷ Отчаянным жестом человека, стремившегося пробудить чешское общество от летаргии, стало публичное самоожжение студента Яна Палаха в январе 1969 г.

События 1968 г. (а еще более – некоторые их последствия) осложнили и без того очень непростые отношения двух титульных наций Чехословакии, усилили словацкий сепаратизм и, с другой стороны, неприязнь чешского общественного мнения к «близким родственникам», не то чтобы ударившим в спину, но, как показалось многим в Чехии, выигравшим за счет чешской национальной трагедии, а значит, по сути нажившимся на ней – именно так было воспринято получение словаками широкой автономии. Советские гости обратили внимание на раздражение своих словацких собеседников, когда разговор заходил о чехах, на их явное стремление дистанцироваться от чехов, по мнению немалой части словаков, накликавших вторжение – наверное, чрезмерным радикализмом устремлений. Общегосударственный чехословацкий патриотизм, базировавшийся на масариковской идее единства двух близких народов, не в первый и не в последний раз в их общей истории XX в. дал трещину. Интересно, что эта неприязнь к политически активным чехам проецировалась даже на занявшего первый пост в Праге словака Густава Гусака, еще недавно довольно популярного в словацком обществе. И это несмотря на его несомненную роль в том, что словаками был получен статус субъекта федерации. Противоречия усугублялись и в силу более жестких преследований интеллигенции именно в Чехии – осуществлявшихся с санкции словаков-«нормализаторов» Г. Гусака и В. Биляка. В их действиях многим в Праге виделась целенаправленная месть в адрес чехов.

Обращает на себя внимание и другое: как показалось советским гостям, те, кто вершил в Чехословакии культурную политику, т. е. сами «нормализаторы», при всей серьезности своих намерений плохо контролировали реальную ситуацию в литературной, культурной жизни – не знали, кто из писателей убежал за границу и кто где находится в самой Чехословакии.

Что же касается традиционно развитых русско-чешских и русско-словацких культурных, духовных, интеллектуальных связей, то, вопреки оптимизму некоторых функционеров, по ним был нанесен вторжением сокрушительной силы удар. Советская интеллигенция проявляла огромный интерес к чехословацкой культуре 1960-х гг., но отнюдь не периода «нормализации». Прервались ранее интенсивные неформальные связи ученых-гуманитариев. Чешская, чуть в меньшей степени словацкая интеллигенция отвернулась от русской культуры едва ли не во всех ее проявлениях, не исправили положения даже устроенные в 1970-е гг. выставки корифеев искусства русского модернизма и авангарда (материалы об этом

также содержатся в РГАЛИ). Мало интереса друг к другу проявляли и творцы культуры андерграунда двух стран. Чешский самиздат зачастую обходил вниманием даже крупных русских писателей, имевших проблемы с советской властью, – их произведения, как правило, переводились на чешский с опозданием, только тогда, когда получали всемирную известность (это касалось и нобелевских лауреатов А. Солженицына и И. Бродского). Произошел, по сути, коллапс культурных связей сверх запротоколированного официоза. Нарушение естественного диалога культур привело к той ситуации, которую имеем сегодня. «Мы хотим видеть Россию в самых черных тонах – и нам это удастся», – заметил видный публицист и политик Петр Питгарт⁸. Опыт 1968 г. и последующих лет позволяет лучше понять, почему стремление к отмежеванию от России стало в странах бывшей советской сферы влияния доминирующим сразу же после распада системы социализма.

Сегодня очевидно, что уроки из прошлого извлекла не преобладающая часть российского общества, ведь, судя по материалам социологических опросов⁹, до сих пор для огромного количества россиян величие государства ассоциируется со способностью сильной державы, не особо считаясь с нормами международного права, держать под контролем целые страны вопреки воле их народов. Настроения, в соответствии с которыми уважать Россию можно заставить только силой, особенно живучи, когда культивируются сверху теми, кто склонен прибегать к насаждению комплексов враждебного окружения и осажденной крепости.

При всей привязанности программы пражских реформаторов 1968 г. к конкретно-историческому моменту, события тех лет способны сегодня представить интерес не только для профессионалов-историков. Ведь требование создания общества с «более человеческим лицом» не утрачивает актуальности ни для одной генерации.

Встает вопрос об источниковой ценности писательских донесений и отчетов по итогам поездок за границу, в частности в социалистические страны. Несомненно, их авторы почти всегда находились

⁸ Вторжение. Взгляд из России. Чехословакия, август 1968 / сост. Й. Паздерка. М., 2016. С. 130.

⁹ *Владимиров В.* Лев Гудков: «Интеллектуальное состояние российского общества – удручающее» // *Голос Америки*. 22.08.2022. URL: <https://www.golosameriki.com/a/lev-gudkov-on-russian-public-consciousness/6712130.html> (дата обращения: 04.09.2022).

в плену доминирующих идеологических представлений и, более того, во избежание недовольства нередко писали именно то, что от них хотели услышать в вышестоящих инстанциях¹⁰. Как правило, чем более высокий пост занимал человек в партийно-государственной иерархии или чем более видным являлось его положение в культурной жизни, тем в большей мере он был свободен в выражении собственного мнения. Господство идеологических стереотипов о превосходстве советской модели и советского опыта формировало «стратегию наблюдения», предполагавшую предвзятость подхода к увиденному, оно создавало определенный фильтр, искажавший воспринимаемую картину, однако и в этом случае внимательный, заинтересованный, знающий соответствующую культурную среду наблюдатель мог подмечать существенные тенденции. Таким образом, при всей неизбежности искажений в отчетах писательских делегаций, речь идет об источнике, который может быть принят во внимание в ряду других при попытках исторической реконструкции общественных настроений в той или иной стране в тот или иной исторический период. Особенно когда (как в случае с пребыванием в ЧССР в марте 1970 г. Е. Долматовского) исследователь имеет дело с записками литераторов, имевших определенный политический опыт, и в том числе опыт пребывания в социалистических странах в кризисные моменты их развития.

¹⁰ Г. М. Гусев, в 1960-е гг. работник аппарата ЦК ВККСМ, вспоминает, как в 1964 г. по итогам посещения Чехословакии составил записку, в которой указал на довольно сильные прозападные настроения в среде чешской молодежи, неприязнательность советского опыта, равнодушие к коммунистической идеологии и т. д. Его записка была воспринята в штыки некоторыми вышестоящими работниками, будучи расцененной как попытка вбить клин в дружеские отношения молодежи двух стран. Карьера молодого функционера оказалась под угрозой. Лишь через некоторое время, когда аналогичные свидетельства поступили в центр и по другим каналам получения информации, к словам Гусева отнеслись всерьез и его перестали преследовать за «клевету» в адрес дружественной страны. См.: На идеологическом посту: 1960-е. Воспоминания сотрудников ЦК КПСС // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 4. С. 154–158. Писать правду об увиденном было, таким образом, более рискованно, нежели подлаживаться под доминирующие стереотипы.

**Отчет о пребывании делегации Союза писателей СССР
в Чехословакии (12–24 марта 1970 г.)**

Делегация Союза писателей СССР в составе Е. Долматовского (руководитель), В. Беляева, А. Осипенко, Н. Доризо и Л. Метцара¹¹ была направлена для участия в месячнике книги («Книжная жатва») в Словакии. Согласно плану поездки, два члена делегации – Долматовский и Беляев – на обратном пути остановились в Праге для выяснения обстановки.

В Братиславе делегация была принята Союзом писателей Словакии радушно и гостеприимно. Мы участвовали в открытии «Книжной жатвы» (выступил руководитель делегации), а также в нескольких «днях издательства» в зале, где происходили регулярно такие дни.

Руководители 4 главных издательств во главе с начальником управления издательств Словакии Я. Принцем устроили в честь делегации обед, на котором Я. Принц официально принял наше предложение об установлении между СССР и Словакией конвенции об охране авторских прав. По мнению словацких издателей, это был бы важный акт, так как западные буржуазные издательства, пользуясь Женевской конвенцией, стараются подкупить писателей Словакии.

Министр культуры Мирослав Валек¹², принимая делегацию, подчеркнул, что Словакия крайне заинтересована в установлении контакта и заключении соглашения об авторских правах с социалистическими странами, в первую очередь – с СССР, и просил, чтобы этот вопрос был в ближайшее время специально обсужден и решен.

Делегация была принята в ЦК Партии Словакии – заведующим отделом культуры, но в «Руде право» была напечатана официальная информация о том, что делегацию принимал Секретариат ЦК.

Делегация была принята руководством Союза писателей во главе с Андреем Плавкой¹³. В речах подчеркивалось, что словацкие писа-

11 Наряду с прозаиком Владимиром Беляевым (1909–1990), известным прежде всего как автор повести «Старая крепость», и поэтом Николаем Доризо (1923–2011), в делегацию, возглавляемую Е. Долматовским, входили также литераторы из Белоруссии и Эстонии.

12 Мирослав Валек (1927–1991) – министр культуры Словакии в 1969–1988 гг., был известен также как поэт и публицист. Зять известного советского дипломата В. А. Зорина (1902–1986), первого посла СССР в послевоенной Чехословакии, а позже заместителя министра иностранных дел СССР. В 1967–1968 гг. возглавлял Союз словацких писателей.

13 Андрей Плавка (1907–1982) – словацкий поэт и прозаик.

тели хотят тесных связей с Союзом писателей СССР и социалистических стран, будут делать все для укрепления этих связей. Вечером того же дня Плавка провел с нами несколько часов за неофициальным ужином, был крайне любезен и дружелюбен. Делегация была принята генеральным секретарем ЦК Союза дружбы Словакии¹⁴, участвовала в двух массовых мероприятиях Союза – «Пушкинском памятнике» (школьники пригородного района Братиславы соревновались в декламации стихов советских и русских поэтов; Доризо и Долматовский выступили на этом вечере со стихами) и дала творческий вечер в зале Союза дружбы. В вечере участвовали все члены делегации, он прошел тепло, при переполненном зале.

Делегация совершила 3-дневную поездку по Словакии: была в Банской Быстрице, где ее принимали в горкоме партии и городском совете; в городе Мартин посетила культурный центр «Матица Словенская»¹⁵, в городе Нитра состоялась встреча делегации со студентами-славистами Педагогического института. Встреча прошла хорошо, вопросы были дружественные. Присутствовало человек пятьдесят.

В Братиславе, кроме вышеуказанных встреч, было несколько встреч с писателями, поэтами, издателями. На киностудии нам показали новый неплохой фильм «Медная башня»¹⁶ и 2 антисоветских фильма, ныне запрещенных новым руководством студии. Фильмы злые и страшные. Нам сказали, что таких фильмов запрещено 11. Один из фильмов, «Дезертир», создан по сценарию писателя Тяжкого, который очень лез к нам в друзья во время нашего пребывания в Братиславе¹⁷. С этим фильмом большой скандал: оказалось, что он создавался на деньги западногерманской фирмы, вскрыта уголовная история с финансами и с демонстрацией этого фильма на Западе. Как нам сказали, дело передано в суд.

Трудно дать глубокий анализ положения в Словакии на основе столь короткого пребывания в стране. Внешне все выглядит пристойно.

14 Здесь и далее речь может идти об Обществе словацко-советской (чехословацко-советской) дружбы.

15 Обычно переводится на русский язык как Матица словацкая. Старейшее словацкое культурное общество, основано в г. Мартине в 1863 г. В эпоху австро-венгерского дуализма подвергалось преследованию венгерских властей. Сыграло видную роль в развитии национальной культуры.

16 «Медная башня» (1970) – фильм словацкого режиссера Мартина Голлы (1931–2004).

17 Речь идет о словацком писателе Ладиславе Тяжком (1924–2011).

Никаких выпадов (публичных) не было. Но беседа один на один, многие наши новые знакомцы говорили, что ввод войск Варшавского пакта – удар, от которого нынешнее поколение уже не оправится, что молодежь травмирована и неизвестно, что с ней делать.

Но самое тяжелое впечатление произвел на нас откровенный сепаратизм, главенствующий во всей общественной жизни Словакии. В ЦК партии, в ЦК Общества дружбы, в Союзе писателей, в горкомах, в издательствах – всюду, где нас принимали, в адрес Праги, чехов неслись ругательства. Мы почти не слышали слова «Чехословакия». Даже Плавка на вопрос о чехах-писателях ответил, что чехи – свиньи и он ничего о них не знает. Чехи – виновники всех бед, контрреволюции, ввода войск, а словаки – близкая русским нация, готовая в семье социалистических стран строить социализм. Наши слова о Чехословакии, о чехословацкой культуре вежливо, а подчас и не очень вежливо пропускались мимо ушей. Так было и в Братиславе, и в Мартине, и в Банской Быстрице. Были случаи, когда в адрес Г. Гусака в нашем присутствии отпускались неслестные шутки, хотя, как известно, Гусак – словак.

В Братиславе наша делегация дала пресс-конференцию, отраженную газетами, интервью с нами были переданы по радио и по телевидению.

А. Плавка, принимая нас в Союзе писателей, выразил готовность участвовать вместе с советскими писателями во всех международных делах, в том числе – в конференции писателей стран Африки и Азии в Дели.

Нам рассказали, что небезызвестный Мнячко прислал в Братиславу письмо (связанное с положением своих родственников), в котором признается, что живет ему на Западе плохо и тяжело¹⁸.

Интересно отметить, что в Союзе писателей Словакии не знают точно, кто из писателей убежал за границу, кто где находится.

18 Ладислав Мнячко (1919–1994) – видный словацкий писатель и публицист. В годы Второй мировой войны участник антифашистского сопротивления, узник германского концлагеря, из которого сумел бежать. На волне разочарования в коммунистическом режиме осенью 1967 г. эмигрировал, поводом послужило несогласие с позицией Чехословакии в условиях Шестидневной арабо-израильской войны. Осудил вторжение в Чехословакию 21 августа 1968 г. Жил в Австрии, был исключен из Союза словацких писателей и лишен чехословацкого гражданства. В 1989 г. вернулся на родину. До конца жизни был решительным противником распада Чехословакии.

Мы выразили пожелание встретиться с Л. Новомеским¹⁹, но нам было сказано, что его сердечная болезнь не допускает такой встречи. Вообще для зав. международным отделом В. Жабка наши конкретные просьбы о встречах были как бы сигналом, чтобы эти встречи не состоялись. Делалось это очень мягко, но последовательно.

Проводили делегацию очень радушно, благодарили. Тот же Жабка рассыпался в комплиментах и просил присылать еще такие делегации, активно содействующие нормализации и укреплению наших отношений. Как уже сказано выше, Е. Долматовский и В. Беляев провели три дня в Праге. К сожалению, это были пятница, суббота и воскресенье, но кое-что удалось сделать и выяснить.

Делегация эта была гостем ЦК Союза дружбы и издательства, которым руководит Иржи Плахетка.

Делегация была принята в ЦК КПЧ зав. отделом науки и культуры тов. Бояром.

В беседе Бояр отметил, что Союз писателей остается незарегистрированной оппозиционной организацией. Решено отнять у него Литфонд, дом, издательство, т. е. лишить его материальной базы. Запрещение Союза вызвало бы новые крики о зажиме демократии, поэтому решено взять Союз писателей осадой.

Создание Совета по писателям при министерстве культуры – на повестке дня, но пока не получается: люди, согласившиеся быть в Совете, – Завада, Секера, Грубин²⁰ – теперь молчат, уходя от конкретных разговоров. Секера в тесной дружбе с руководителем Союза

19 Лацо Новомеский (1904–1976) – поэт, классик словацкой национальной литературы. С 1920-х гг. участвовал в деятельности чехословацкой компартии. В годы Второй мировой войны участник коммунистического подполья и Словацкого национального восстания 1944 г. В 1945–1950 гг. член ЦК КПЧ. В 1951 г. арестован и в 1954 г. приговорен к десяти годам тюрьмы по судебному делу так называемых словацких «буржуазных националистов» (вместе с Г. Гусаком). После досрочного освобождения в 1956 г. жил под домашним арестом, был полностью реабилитирован и восстановлен в Союзе писателей в 1963 г., сразу же заняв видное место не только в словацкой, но и в чехословацкой литературной жизни.

20 Вилем Завада (1905–1982) – чешский поэт и переводчик. Йозеф Секера (1897–1972) – чешский прозаик. Его роман «Чешская рапсодия», посвященный участию чехов и словаков, бывших военнопленных австро-венгерской армии, в событиях гражданской войны в Сибири, был опубликован в СССР в 1972 г. Франтишек Грубин (1910–1971) – чешский поэт, драматург, детский писатель.

Сейфертом²¹. Бояр считал, что наше посещение Секеры опасно, так как можно встретиться у него с Сейфертом. В плане блокады Союза писателей предусматривается, что он лишится аппарата (не будет средств на зарплату) и, например, зав. международным отделом Пуйман не сможет продолжать свою вредную деятельность. Если определить духовную атмосферу среди писателей, то она может быть названа круговой порукой, связанной с ложным понятием чести интеллигента. Многие и хотели бы вырваться из этого круга. По мнению Ивана Скалы²² (о беседе с ним – ниже), и сам Сейферт зажат Когоутом²³, Прохазкой²⁴ и Шотолой²⁵, уже рад был бы занять иную позицию, но эта тройка крепко его держит.

Бояр отметил, что в Бухаресте вошел в контакт с советскими писателями и ЦК хочет всячески поддерживать и развивать этот контакт.

21 Ярослав Сейферт (1901–1986) – выдающийся чешский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе 1984 г. В 1920-е гг. участвовал в деятельности чехословацкой компартии, позже покинул ее в знак несогласия с внедрением сталинских методов. Участник Пражского восстания в мае 1945 г. В мае 1956 г. в контексте разоблачения «культы личности» выступил на съезде чехословацких писателей с яркой речью, призвав коллег говорить правду. В 1968 г. был избран руководителем Союза чехословацких писателей на волне событий Пражской весны. В 1977 г. подписал диссидентскую Хартию-77.

22 Иван Скала (1922–1997) – поэт. В целом поддерживал линию гусакской «нормализации». Один из руководителей Союза чехословацких писателей, возобновившего свою деятельность в 1972 г.

23 Павел Когоут (1928 г. р.) – поэт, драматург, прозаик, публицист. Эволюционировал от приверженности сталинизму в начале 1950-х к реформкоммунизму 1960-х гг. и позже к либерализму. Одна из самых ярких фигур чехословацкой литературной жизни 1960-х гг., после интервенции 21 августа находился в оппозиции режиму «нормализации». Один из инициаторов Хартии-77. Политэмигрант. В СССР имя Когоута было на слуху после постановки в советских театрах пьесы «Такая любовь» (1957).

24 Ян Прохазка (1929–1971) – писатель, сценарист, видная фигура литературной жизни 1960-х гг. Преждевременная кончина застала его в период активной деятельности по сплочению творческой интеллигенции на основе противостояния режиму «нормализации».

25 Иржи Шотола (1924–1989) – видный чешский поэт, прозаик, драматург, театральный режиссер. Осудив августовское вторжение, в середине 1970-х гг. все-таки сумел вернуться в официальную литературную жизнь после выступления с самокритикой.

На обеде, устроенном ЦК Союза дружбы, присутствовал Иван Скала. Мы дружески беседовали с ним. Он полностью поддерживает нынешний курс ЦК КПЧ, готов к активным действиям. Но положение его тоже сложное. Он – один из пяти депутатов, выступивших (или проголосовавших) в Национальном собрании против ввода войск. Бояр в ЦК заявил нам, что статья Скалы в «Правде» причинила вред и спутала карты²⁶. Здесь возникает один сложный вопрос. У нас создалось впечатление, что в ЦК КПЧ нет ясной установки – как быть с теми писателями, которые хотят встать на правильные позиции. По мнению Бояра, так или иначе **все** писатели допустили ошибки. Есть и крайние левые элементы, считающие, что те писатели, которые хотят найти правильный путь, – лживо перекрашиваются, что нельзя им верить. Такая позиция имеет влияние. Таким образом, писатели, ищущие способ загладить свои ошибки, поставлены в трудное положение. Это мешает и другим пересмотреть свои взгляды. И образуется заколдованный круг.

Иван Скала, Иржи Гаек²⁷ и Виллем Завада пришли к нам в гостиницу (вместе), у нас состоялась 3-часовая беседа. Все они считают, что Союз писателей, его руководство забрели в тупик. Мягче относясь к Сейферту, они считают законченными и неисправимыми контрреволюционерами фактически всех руководящих – Когоута, Шотолу и Прохазку. Скала и Завада показались нам растерянными. В Союзе писателей они преданы анафеме, но не уверены, что им поверят и здоровые силы. Несколько тверже держится Иржи Гаек, считает, что на страницах «Творбы»²⁸ сумеет много сделать для консолидации сил. Завада производит впечатление человека печального и беспомощного.

Композитор Лидл, писавший песни с Грубиным, возил нас к последнему²⁹. Мы Грубина не застали. Лидл два дня потом звонил Грубину, но к телефону никто не подходил. Интересно, что Лидл, пригласив Беляева к себе, просил его не говорить по-русски около дома и на лестнице.

Бояр называет несколько имен молодых писателей, на которых можно опираться, – Влад. Пршибский, Милослав Фабера, Ян Козак,

26 Из контекста не совсем ясно, идет ли речь о публикации в главном печатном органе КПСС или же в братиславской «Правде».

27 Речь идет не о министре иностранных дел в 1968 г., а позже одном из инициаторов Хартии-77 Иржи Гаеке (1913–1993), а о его полном тезке и однофамильце, видном литературном критике (даты жизни: 1919–1994).

28 Чешский литературный журнал.

29 Вацлав Лидл (1922–2004) был известен прежде всего как кинокомпозитор.

Алексей Плудек. Но это – начинающие³⁰. Встречу с ними Бояр старался, но не смог организовать, так как были два выходных дня.

Все вопросы наших связей очень хочет взять на себя Иржи Плахетка³¹. Он сказал нам, что говорил в ЦК, получил средства и может принять авторитетные делегации советских писателей для выступлений в Праге. По мнению Плахетки, было бы хорошо прислать в связи с ленинскими днями и 25-летием Победы две делегации, примерно в таком составе: Андроников – Щипачев – Айтматов и Рождественский – Гранин – Гамзатов (или Луконин). Он обещает устроить серию публичных выступлений, в частности в среде молодежи³².

Известно также, что президент Свобода собирается пригласить на 25-летие ряд писателей как своих гостей (Полевой и другие участники освобождения Чехословакии³³).

30 Ошибка, поскольку в этом списке мы видим не начинающих писателей, что свидетельствует о слабом знании советскими гостями чехословацкой литературной жизни. Ян Козак (1921–1995), возглавив Союз чехословацких писателей в 1972 г., вел жесткую борьбу против любых проявлений инакомыслия. В силу этого относился к числу писателей, признанных в СССР, где неоднократно публиковались его произведения. Посетил СССР вскоре после пребывания в ЧССР делегации во главе с Е. Долматовским (см. отчет о его пребывании в мае – июне 1970 г.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Д. 941). Милослав Фабера (1912–1988) известен прежде всего как кинодраматург. Алексей Плудек (1923–2002) являлся автором скандально известного романа «Ва-банк» (1974), в котором была предпринята попытка разоблачить реформаторски настроенную интеллигенцию 1968 г. Влад. Пршибский – неустановленное лицо.

31 Был известен и как писатель, прежде всего детский. Его стихи для детей переводил и С. Михалков.

32 План приезда столь представительных делегаций из СССР не мог быть реализован. Об обмене делегациями в 1970 г. и – шире – о выполнении плана сотрудничества между писателями двух стран см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Д. 944. См. также отчет сопровождающих лиц об ответном посещении в мае 1970 г. СССР словацкой писательской делегацией (Там же. Д. 942). Она приняла участие в Декаде книги ЧССР, прошедшей в рамках Дней чехословацкой культуры. В составе делегации ЧССР на Днях чехословацкой культуры было несколько лиц, с которыми в марте контактировали члены советской писательской делегации, – М. Валек, А. Плавка, П. Бояр.

33 Писатель Борис Полевой был свидетелем освобождения Чехословакии в качестве корреспондента «Правды» на 1-м Украинском фронте. В мае 1970 г. на торжествах по случаю 25-летия освобождения

В Праге ЦК Союза дружбы устроил пресс-конференцию для нас. Представитель радио, молодой поэт (имеет две книги стихов) Р. Матыш взял интервью и обещал провести передачу стихов Долматовского по радио.

Делегация выступила с творческими вечерами у советских воинов – в танковом полку на территории Словакии и в группе войск под Прагой. Были проведены также выступления для советских колоний в консульстве СССР в Братиславе и в посольстве СССР в Праге.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Д. 943. Л. 1–8.

Источники и литература

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Владимиров В. Лев Гудков: «Интеллектуальное состояние российского общества – удручающее» // *Голос Америки*. 22.08.2022. URL: <https://www.golosameriki.com/a/lev-gudkov-on-russian-public-consciousness/6712130.html> (дата обращения: 04.09.2022).

Вторжение. Взгляд из России. Чехословакия, август 1968 / сост. Й. Паздерка. М.: НЛЮ, 2016. 304 с.

Долматовский Е. В Венгрии весной 1957 г. Из дневника. М.: Советский писатель, 1957. 98 с.

Долматовский Е. «Я из-за тебя ночь не спал...» // *Родина*. 1992. № 3. С. 18–21.

На идеологическом посту: 1960-е. Воспоминания сотрудников ЦК КПСС // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 4. С. 154–158.

Стыкалин А. С. Илья Эренбург и осень 1956 года. К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада // *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 359–402.

Шерлаимова С. А. Литература «Пражской весны»: до и после. М.: ИСл РАН, 2002. 196 с.

Чехословакии присутствовала советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК компартии Украины П. Е. Шелестом. Участие в составе этой делегации писателей не нашло отражения в прессе.

References

- Dolmatovskii, E. *V Vengrii vesnoi 1957 g. Iz dnevnika pisatel'ia*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1957, 98 p.
- Dolmatovskii, E. "Ia iz-za tebia noch' ne spal..." *Rodina*, 1992, No. 3, pp. 18–21.
- "Na ideologicheskom postu: 1960-je. Vospominaniia sotrudnikov TsK KPSS." *Neprikosnovennyi zapas*, 2008, No. 4, pp. 154–158.
- Sherlaimova, S. A. *Literatura "Prazhskoi vesny": do i posle*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2002, 196 p.
- Stykalin, A. S. "Ilya Ehrenburg i osen' 1956 goda. K istorii vzaimootnoshenii pisatel'ia s khrushchiovskoi partiinoi elitoi i levoi intelligentsiei Zapada." Stykalin, A. S. *Vengerskii krizis 1956 goda v istoricheskoi retrospective*. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2016, pp. 359–402.
- Vladimirov, V. "Lev Gudkov: «Intellektual'noje sostoiianije rossiiskogo obshchestva – udruchaiushcheje»." *Golos Ameriki*. 22.08.2022. URL: <https://www.golosameriki.com/a/lev-gudkov-on-russian-public-consciousness/6712130.html> (accessed: 04.09.2022).
- Vtorzhenie. Vzgliad iz Rossii. Czekhoslovakiia, avgust 1968*, comp. by Josef Pazderka. Moscow: NLO, 2016, 304 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.03

A. S. Stykalin

Czechoslovakia in the spring of 1970 viewed by the Soviet writers' delegation

Alexander S. Stykalin
Candidate of History, leading research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Citation

Stykalin A. S. Czechoslovakia in the spring of 1970 viewed by the Soviet writers' delegation // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 430–447 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.03

Received: 01.06.2022.

Abstract

The invasion of Czechoslovakia by the troops of the five Warsaw Pact countries on August 21, 1968 dealt a tremendous blow to Soviet-Czechoslovak cultural ties. Only a small minority of writers and masters of arts, supporting the policy of the so-called "normalization", showed their readiness to continue to maintain official contacts with the Soviet side. The delegation of Soviet writers, which arrived in March, 1970, was officially received only in Slovakia. The authorities did not dare to hold any official events in Prague, where the boycott by the creative intelligentsia of everything that came from the Soviet side was dominating. The short trip of two Soviet writers to Prague to get acquainted with the situation in literary life was not advertised at all. Readers are provided with the report of the Soviet delegation to the Foreign Commission of the Union of Writers of the USSR on the results of their stay in Czechoslovakia.

Keywords

Prague Spring, intervention in Czechoslovakia on August 21, 1968, normalization regime in Czechoslovakia, Soviet-Czechoslovak cultural ties.